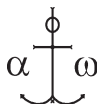

СВЯЩ. ГЕОРГИЙ КОЧЕТКОВ

БЕСЕДЫ ПО ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКЕ

ВЫПУСК 6

Издание 2-е, исправленное

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ
ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ
МОСКВА 2010

УДК 241
ББК 86.37
К 75

Кочетков Георгий, свящ.
К 75 БЕСЕДЫ ПО ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКЕ. Выпуск 6. Издание 2-е, исправленное. — М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2010. — 68 с.

ISBN 978-5-89100-108-4

Беседы, которые автор проводил в 1990—1992 гг. в качестве добавления к огласительным беседам, представляют собой благовествовательный жанр, любимый святыми отцами и учителями Церкви в «классические» свято-отеческие столетия (III—IX вв.). Он был почти забыт в новое время. Жанр беседы отличается от проповедей или писем духовным чадам тем, что это прежде всего устный жанр: речь беседы течет в стилистике живого диалога со слушателями. В беседах воспроизведены вопросы слушателей и ответы, так что и читатель может представить себе эту аудиторию, узнать о проблемах, волновавших ее в тот момент. В настоящий сборник вошли беседы «Что такое разврат (духа, души и тела)» и «Позволительно ли человеку разводиться».

Серия продолжается. Она рассчитана, кроме взрослых оглашаемых, на студентов и преподавателей христианских учебных заведений, а также всех, интересующихся современными аспектами осмысления и воплощения в жизнь принципов христианской этики.

- © Свящ. Георгий Кочетков, 2004 г.
- © Свято-Филаретовский православно-христианский институт, оформление, 2010

Беседа 13

Что такое разврат (духа, души и тела)

Сегодня нас с вами ждет довольно сложная тема — тема, которую я не могу иллюстрировать святыми картинками, как вы понимаете. Поэтому вам сейчас придется довольно напряженно слушать, так как это особый материал.

Итак, мы сегодня поговорим на тему: «Что такое разврат духа, души и тела». Нам с вами прежде еще не приходилось говорить на подобные темы. Начав три года назад цикл бесед по христианской этике, мы оказались в чистом поле, потому что вскоре обнаружилось, что наследие отцов, наследие древности, опыт отцов, опыт древности отчасти всеми забыт, а отчасти теперь неприменим, как это обычно и бывает в истории. Он в очень небольшой степени актуализирован в наше время, причем часто непоследовательно и противоречиво и часто не на самой его глубине. Да и современных выражений соответствующего нашей тематике опыта почти нет. Во всяком случае, если они и есть, то обычно по своему духу и смыслу оказываются довольно далекими от христианства, от православия. Мы находимся в области кризиса, этического кризиса в жизни, а значит, и в мысли, и в культуре, как церковной, так и околоцерковной, ну и за это, как всегда, с одной стороны, благодарим Бога, потому что это дает нам возможность с большим напряжением осознавать и выражать эти вещи заново, что всегда полезно, как показывает история, но, с другой стороны, при этом мы понимаем, что чего-то не дodelываем, где-то оказываемся недостаточно гибки, тонки, недостаточно способны к полному, всестороннему освещению заданных тем. Впрочем, поскольку мы с вами ориентируемся на катехизационный, огласительный, и общепросветительский уровень, это обычно несколько скрадывает такие недостатки.

Говорить на такие темы, как сегодня, трудно, потому что они всегда требуют большой глубины христианских представлений о мире, о человеке, об обществе, а глубины этих представлений, как правило, у слушателей и не хватает. Приходится ссылаться на какие-то глу-

бокие вещи, заранее понимая, что эти ссылки еще редко для кого быстро оживают во всем богатстве ассоциативных связей и знаний.

После этого маленького предисловия, к сожалению, нам сегодня необходимого, я хотел бы начать. Вообще, интересно то, что множество как раз исторически очень значимых тем в области христианской этики оказалось особым образом забыто. О них говорить всерьез, глубоко в наше время стало как-то не модно. Не модно говорить и о разврате, как и о связанных с ним понятиях чистоты и нечистоты, даже грязи. О нечистоте говорить совсем не модно, особенно в отношении кого-либо конкретно. Если люди и говорят об этом, то обычно как бы вполголоса и с определенной интерпретацией весьма субъективного характера, и поэтому нередко подобные разговоры обретают характер сплетен. И таких сплетен может быть достаточно много, даже слишком много. О разврате говорят еще как о чем-то, поражающем воображение человека: если что-то выходит за рамки обыденной жизни, тогда он с целью кого-то осудить вспоминает о предельных для него или даже запредельных категориях. Но повторяю, серьезные разговоры на эти темы в наше время не модны. В связи с этим понятия, которыми обычно в этих случаях оперируют, оказываются очень расплывчатыми и, как правило, очень сужеными. В основном они касаются вопросов пола, секса — и всё, причем тоже чаще лишь тогда, когда формы проявления в этой области людям почему-то не нравятся.

Многие, наверное, испытывали некое если не шоковое, то какое-то подобное состояние, когда впервые всерьез касались, скажем, Священного писания, Библии. Читая Библию, человек, особенно взрослый человек, не однажды чувствует недоумение. Сталкиваясь, например, с краткими, но сильными выражениями Евангелия, такими как обращение к народу израильскому: «О, род прелюбодейный и грешный! О, род неверный и развращенный! Доколе буду с вами? Доколе буду терпеть вас?» (Мф 17:17), люди несколько удивляются и недоумевают, потому что, чтобы понять эти вещи, понять подобного рода обращения пророков Ветхого завета и Господа в Евангелии, нужны совершенно другие, не современные, не наши понятия. Люди в первую очередь начинают чувствовать, что в Библии, в Откровении, в Слове Божьем понятия развращенности и неверности в более глубоком смысле относятся скорее к душевному и духовному, а не физическому плану бытия. При этом, если внимательно читать Ветхий и Новый заветы, совсем нетрудно еще заметить, пусть сначала толь-

ко почти на интуитивном уровне, некое различие ветхозаветных и новозаветных понятий о неверности и развращенности, как и понятий о верности и чистоте.

Когда мы встречаемся с христианской историей, что бывает пока еще довольно редко, вернее, слишком редко, значительно реже, чем это нужно было бы, у людей тоже иногда возникает некое недоумение. В глаза бросается то, что чем лучше и чище эта история в ту или иную эпоху, тем, как это ни странно, больше слышится обвинений христианства в разврате. Взять к примеру знаменитые претензии язычников, древних римлян, к христианам, связанные в первую очередь с христианскими мистериями, с таинствами, точнее, с таинственными собраниями церкви, которые нередко совершались ночью. Но тут уж поистине каждый судил в свою меру, как говорится, по себе. Я это хотел бы отметить, потому что вообще в отношении этих вопросов люди часто судят по себе и в свою меру. Чтобы нам с вами избежать подобных ошибок, хочется об этом сказать уже в предисловии.

Итак, понятия о чистоте и нечистоте, а значит, и о разврате, развращенности, двоятся и усложняются. Оказывается, они тоже имеют свою историю, связанную и со Священной историей.

Так что же такое разврат? Вообще слово «разврат» само по себе очень нетрудно воспринимается. Это слово, которое чисто филологически понятно само из себя. Оно происходит от корня, означающего некое вращение: «разврат» есть «разворот». Итак, если поменять огласовку, то мы без труда выходим на некий коренной образ, заложенный в этом слове: это некий разворот за рамки положенного, установленного, а не просто ранее бывшего, как во всякого рода иной эволюции. Я сразу хочу провести здесь эту параллель и задать тон для вас, чтобы вы могли подумать на эту тему, подумать о том, что разврат — это тоже разновидность эволюции, потому что всякая эволюция по значению, по смыслу этого слова — это тоже некое разворачивание, некая спираль, которая разворачивается. Но запомните, что не всякая эволюция — уже и разврат.

Итак, всякий разврат есть эволюция, но не всякая эволюция есть разврат. Разврат, повторяю, — это разворот за рамки положенного (кем положенного, как положенного — об этом мы еще поговорим). Но из этого сближения понятий, связанных с соответствующим пучком ассоциаций, связанных с каждым из них, мы можем сделать вывод, что в самом эволюционном принципе самодвижения есть некая

потенция разврата, некий потенциальный элемент разврата, что для нас должно стать предметом особого внимания.

Думаю, что возможен даже некий разврат эволюции, т. е. может быть такая эволюция, которая должна оцениваться как разврат. Я сейчас специально не привожу никаких примеров, ибо хочу, чтобы вы вначале немного подумали, как-то восприняли этот набор важнейших терминов и важнейших ближайших им понятий, связав их между собой, повторяю, всем богатством ассоциативных связей — а у каждого свой набор этих связей, — чтобы потом мы могли коснуться и некоторых новых деталей.

Но, наверное, есть и некий разврат революции — при том или ином слишком крутом, резком или неоправданном повороте («революция» и переводится как «поворот»). Об этом много писали в XX веке, так как XX век знал множество разных революций: и социальных, и не только социальных. В наше время говорят еще о революции технической и научной, правда, уже не так часто, как прежде. А вот о сексуальной революции говорят пока еще довольно много, хотя, кажется, больше уже не о чем здесь говорить. И все это тоже для нас важно: и потому, что в этом есть свой интересный и важный набор ассоциаций и сочленений, и потому, что XX век действительно дал много примеров того, как делать не надо. Сейчас многие люди готовы вообще анафематствовать слово «революция», но, наверное, этого делать не следует, потому что как эволюция, так и революция — это вещи, неотъемлемые от самой жизни в мире сем. Другое дело — какая это эволюция и революция.

Так что в революции тоже может быть некий разврат, и он не сводится только к одному «дионисийскому» элементу в ней. Дионисийство, т. е. «ночной» элемент в революции, вообще неотъемлемо от нее: революция, наверное, больше жива ночью, чем днем, в ней больше лунного и затемненного, чем солнечного, — это в самой природе всякой революции. Я не буду сейчас касаться этого подробно, интересующиеся этим моментом могут почитать Н.А. Бердяева и т. д., но я упомянул об этом потому, что иногда сам дионисийский элемент в революции уже воспринимают как разврат, что, на мой взгляд, может быть неверно, неправильно, ибо дионисийство, повторяю, неотъемлемо от всякой революции, без него никакой революции вообще не может быть никогда.

Что мы с вами могли бы сказать о разврате, если бы снова попытались дать какую-то дефиницию, какое-то определение ему, может

быть, пока еще очень общее, самое общее, универсальное? Можно было бы сказать, наверное, что разврат — это некое отклонение от пути добра, красоты и правды на путь зла, безобразия и греха. События так развиваются, так они разворачиваются, что вдруг происходит переход с пути добра на путь зла. Таким образом, разврат — это некое падение, и даже сам путь зла — не зло, подчеркиваю, а именно путь. Мы сейчас возрождаем и любим слово «путь», и хорошо делаем, но и здесь надо помнить, что на самом этом пути есть не просто «ночной» отрезок, но и канавы, и ямы, и какие-то тупики. Не случайно уже у пророка Осии в 9-й главе говорится в синонимическом смысле о падении как о разврате: «Глубоко упали они, развратились, как во дни Гивы».

Поскольку мы заговорили о пути зла, то понятно, что в нем есть соответствие пути греха, и поэтому разврат мы еще могли бы в опыте осмыслить, увидеть как путь греха и рабства тлению. Например, мы знаем, что в мире сем действуют определенные законы и что есть 2-й закон термодинамики о возрастании энтропии. Это, в общем-то, есть своеобразный разврат в природе, если хотите, потому что в ней естественно возникает вот это тление, вот этот хаос, этот распад. Так что, видите, не все то, что естественно, — не безобразно, хотя многие считают наоборот по своей наивности или по лукавству, чаще — по второму обстоятельству.

Итак, разврат — путь греха и рабства тлению в мире сем. Интересно, что в Ветхом же завете, в книге Притч, в 21-й главе, говорится: «Превратен путь человека развращенного». Действительно, это путь падения, путь тления, путь, ведущий в пустоту, потому что увеличение энтропии, хаоса в этом мире, снижение уровня организации мира, т. е. организованности его как системы, является путем разложения, путем пустоты, движения к пустоте. А вот еще интересная цитата из Священного писания, которая сближает эти понятия. Во Второй книге Паралипоменон, в Ветхом завете, говорится, что вот «собрались вокруг... люди пустые, люди развратные» — через запятую. Вообще, вы знаете, что Священное писание избегает таких прямых осуждений людей, правда, в основном в Новом завете, не в Ветхом, но тут как раз очень энергично все сказано. Если же разврат есть путь греха, отклонение от пути добра на путь зла и сам путь зла, то это есть и отклонение от Закона Божьего, вообще от закона как некоей нормы, некоего правила, правила Духа, как от того, что Священное писание называет мудростью. Поэтому человек, желающий быть мудрым, по этому пути идти не должен.

Но что происходит тогда, когда человек все-таки идет по этому пути, когда им совершена эта ошибка? Тогда разврат, совершившись, становится неким извращением, сдвигающим вещи со своего законного и богоустановленного места. Это тоже находит подтверждение в Священном писании, например, во 2-й главе Первого послания апостола Иоанна, где говорится о том, что вместо того, чтобы завершить (т. е. совершить) мироздание, человек извратил его. Видите, здесь мы тоже находим удивительное по точности и глубине понятие о пути человека, в принципе всякого человека. А вот такое явление, когда вещи сдвигаются со своего места и поэтому оказываются не на своем месте, как вы понимаете, принято называть нечистотой, грязью. Ведь известно старое определение грязи: это всякая вещь, находящаяся не на своем месте. Отсюда следует потеря святости как в ветхозаветном, так и в новозаветном смысле этого слова, т. е. святости и внешне-символической, и внутренне-духовной. Я сейчас, к сожалению, не могу подробно останавливаться на этих различиях; мне кажется, что мы когда-то уже говорили о различии этих понятий святости, но в любом случае вы об этом еще услышите, для большинства из вас об этом еще будет идти речь. Это очень важная вещь, потому что понятия нечистоты и не святости или, наоборот, чистоты и святости в Новом завете совершенно тождественны. Причем в Новом завете эти понятия совершенно уникальны, ничего подобного нет не только вне библейской традиции, но и внутри этой традиции вне Нового завета.

Пусть и несколько упрощенно, как бы указующим перстом, я сейчас определил это понятие о святости как внешне-символическое в Ветхом завете и внутренне-духовное — в Новом. Мне же самому близко еще одно определение, и я хотел бы вам его привести. Мне кажется, что разврат можно было бы определить как некую «укушенность змеем» или, лучше сказать, змием. Известно, что всякий человек, особенно взрослый, не младенец (с младенцем несколько сложнее), всегда приходит к Богу так или иначе укушенным змеем. Ныне таковы все без исключения, что тоже нам всем важно понять. Нам сегодня можно и нужно говорить на эти темы, поскольку для каждого сидящего здесь это актуально, лично актуально. Каждый когда-то был укушен змеем, хотя каждый — по-своему, поэтому каждому нужно это осознать и постараться избавиться от разврата. Какого разврата — об этом мы поговорим позже. Тут целый веер возможностей и случаев. Но важно знать каждому, что не только

Содержание

Беседа 13	
Что такое разврат (духа, души и тела)	3
Беседа 14	
Позволительно ли человеку разводиться	37